

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-216-230

УДК 93/99(470.6)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII В.

Глашева З.Ж.

В статье исследованы два основных направления политики Российской империи на Кавказе в конце XVIII в. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства. Автор ставит перед собой цель раскрыть взаимодействие двух основных направлений связанных с внешней и внутренней политикой Российской империи на Кавказе. Актуальность исследования обусловлена интересом к данной проблеме со стороны исследовательской аудитории.

Цель. Основная цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа внешней и внутренней политики Российского государства в конце XVIII в. на Кавказе. Исходя из цели исследования, обозначены задачи связанные с изучением основных направлений в кавказской политики.

Метод или методология проведения работы. Методологическая база статьи основана на принципах и методах исторических исследований. В ходе работы применялись два принципа: научность и историзм. Статья подготовлена на основе сборников документов и литературы по данной проблеме с привлечением законодательных актов из Полного собрания законов Российской империи. Исследуя политику России на Кавказе вряд ли возможно обойти вниманием работы советских исследователей М.М. Блиева, Т.Х. Кумыкова, Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева и т.д., а также современных авторов З.М. Блиеву, В.В. Дегоева, Е.И. Кабахидзе, А.С. Кандрашову, Г.Н. Малахову и т.д., которые в своих работах подробно исследовали многие вопросы касающиеся особенностей проведения российской политики в регионе.

Результаты. В ходе исследования рассмотрены исторические со- бытия, связанные с особенностями военно-политического соперниче-

ства Турции, Ирана и России, за установление своего контроля над основными водными и сухопутными путями, что раскрывает геополитическое и экономическое значение данной территории. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых на Кавказе проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства. Особое внимание уделяется внешнеполитической ситуации на Кавказе, обозначены изменения в подходах по управлению им после укрепления позиций России. В результате исследования автор приходит к выводу, что Российская империя для закрепления территориальных приобретений в Предкавказье должна была и дальше укреплять свои позиции в регионе. Для этого к уже существующей Кизляро-Моздокской линии было построено еще десять укреплений, которые составили основу Азово-Моздокской линии. К концу XVIII – первой четверти XIX в. крепости кавказской оборонительной линии замкнули кавказскую границу от моря до моря, став прочными форпостами по закреплению и освоению южных земель за Российским государством. Завершившиеся учреждением к 1785 г. Первого Кавказского наместничества.

Область применения результатов. Результаты данной статьи могут быть использованы в исследовательской деятельности специалистов-историков, аспирантов, преподавателей вузов, студентов, а также исследователям и читателям, интересующимся историей Кавказа и России в целом.

Ключевые слова: Российская империя; Османская империя; Сефевидский Иран; Грузия; Крым; Первое Кавказское наместничество; внешняя политика; внутренняя политика.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CAUCASUS AT THE END OF THE XVIII CENTURY

Glasheva Z.Zh.

The article explores two main areas of the policy of the Russian Empire in the Caucasus at the end of the 18th century. Addressing this

problem allows us to consider the management mechanisms by which a pro-Russian policy was carried out aimed at integrating the region into the Russian state. The author sets a goal to reveal the interaction of two main areas related to the foreign and domestic policies of the Russian Empire in the Caucasus. The relevance of the study is due to interest in this problem from the research audience.

The purpose. *The main goal of the study is to conduct a comparative analysis of the foreign and domestic policies of the Russian state in the Caucasus by the end of the 18th century. Based on the purpose of the study, the tasks associated with the study of the main directions in Caucasian politics are outlined.*

Method or methodology of the work. *The methodological base of the article is based on the principles and methods of historical research. In the course of the work, two principles were applied: scientific and historicism. The article was prepared on the basis of collections of documents and literature on this issue with the involvement of legislative acts from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Exploring the policy of Russia in the Caucasus, it is hardly possible to ignore the work of Soviet researchers M.M. Bliev, T.Kh. Kumykov, N.A. Smirnov, A.V. Fadeev, etc., as well as contemporary authors Z.M. Blieva, V.V. Degoev, E.I. Kabakhidze, A.S. Kandrashov, G.N. Malakhova, etc., who in their works examined in detail many questions regarding the specifics of Russian policy in the region.*

Results. *The study examined historical events related to the peculiarities of the military-political rivalry of Turkey, Iran and Russia, for establishing their control over the main water and land routes, which reveals the geopolitical and economic importance of this territory. Addressing this problem allows us to consider the management mechanisms by which a pro-Russian policy was pursued in the Caucasus aimed at integrating the region into the Russian state. Particular attention is paid to the foreign policy situation in the Caucasus; changes in approaches to managing it after strengthening the positions of Russia are indicated. As a result of the study, the author concludes that the Russian Empire, in order to consolidate territorial acquisitions in the Ciscaucasia, should*

continue to strengthen its position in the region. For this, ten more fortifications were built to the already existing Kizlyar-Mozdok line, which formed the basis of the Azov-Mozdok line. By the end of the XVIII – first quarter of the XIX century. Fortresses of the Caucasian defensive line closed the Caucasian border from sea to sea, becoming strong outposts for securing and developing the southern lands of the Russian state. Culminated in the establishment by 1785 of the First Caucasian Viceroyalty.

Scope of the results. *The results of this article can be used in the research activities of historians, graduate students, university professors, students, as well as researchers and readers interested in the history of the Caucasus and Russia as a whole.*

Keywords: *The Russian Empire; Ottoman Empire; Safavid Iran; Georgia; Crimea; First Caucasian governorate; foreign policy; domestic policy.*

Кавказ благодаря своему географическому положению находился в сфере политических интересов Османской и Российской империй и Сефевидского Ирана, которые на протяжении XVI–XVIII вв. соперничали за установление своего контроля над основными водными и сухопутными путями в кавказском регионе. Кавказский вопрос становится одним из важных направлений во внешней политике Московского государства с середины XVI в. когда начинаются первые контакты с горскими народами. В основу кавказской политики была заложена концепция расширения территории Российского государства в южном направлении от Черного до Каспийского моря. Обращение к данной проблеме позволяют рассмотреть различные механизмы внутренней политики, с помощью которых на Кавказе проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства.

История русско-кавказских отношений начинается со второй половины XVI в. с первых контактов горских народов с Московским государством, окрепшие на протяжении XVII–XVIII вв. Постепенно они приобретают все большее значение в международных делах. Начиная с конца XVII в., в войнах с Ираном, Турцией и Крымским

ханством обнаруживается перевес Московского государства. Одновременно усиливаются и военные позиции России на Кавказе, в 60-х гг. XVIII в. на Центральном Кавказе возводится первая линия военных укреплений, идущих из Кизляра до Моздока. Крайне выгодные для Российской империи результаты русско-турецкой войны 1768–1774 гг. позволили признать за ней по артикулам 18, 19, 20, 21 «замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра... округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляет степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи. Крепости: Еникале и Керче, лежащая в полуострове Крымском, с их пристанями и со всем в них находящимся... уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керчинской границе до урочища Бугака, и от Бугака по прямой линии к верху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи. Город Азов с уездом его... вечно Российской империи принадлежать имеет. Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с Ханами Крымскими; для чего принадлежность их Императорскому Российскому Двору должна предоставлена быть на волю Хана Крымского, с советом его и с старшинами татарскими» [1, 282]. Это значило, что территории Большой и Малой Кабарды находились в сфере влияния Российской империи, также позволило присоединить Осетию и Ингушетию. Это позволило приступить к укреплению границ, которые, согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, начинались от устья р. Терек до Моздока и на северо-западе доходили до Азова.

К концу 70-х гг. XVIII в. в предкавказских степях построили семь новых крепостей – Екатериноградская, Павловская и Марьинская, которые были продолжением Моздокской линии; Георгиевская в верховьях Кумы, Андреевская, Александровская и Ставропольская защищали район Ставропольской возвышенности. Московская и Донская прикрывали «Черкасский тракт», дорогу связывавшую Ставрополь с центром войска Донского городом Черкасском. Укрепление Кизляро-Моздокской линии от р. Терек до р.

Дон производилось для сохранения и дальнейшего приумножения, сделанных в Предкавказье земельных приобретений, построенных городов и станиц, было продолжено [9, 374–375]. В 1777–1779 гг. с этой целью от впадения р. Малки в р. Терек до устья р. Дон было построено десять военных укреплений, составившие основу Азово-Моздокскую линии [10, 518–521].

Между укреплениями и крепостями возводились редуты, представлялись наблюдательные посты и заставы. При них создавались казачьи станицы и «солдатские слободки», населенные отставными солдатами. Линию составили следующие оборонительные пункты: крепости Моздок, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Андреевская, Александровская, Азов, редуты Александровский, Бешпагирский, крепости Московская, Ставропольская, Донская, шанцы Державный, Всесвятский, крепость Царицынская, шанцы Терновский, Большой Ейский, Эль-Бугузинский. От Царицынской крепости вниз по р. Кубани линия шла от: шанца Восточный, крепости Павловская, шанцов Западный, Михайловский, крепости Александровская, шанцов Гавриловский, Архангельский, крепости Озань, шанцов Правый, Славянский, крепостей Благовещенская, Новотроицкая, шанцов Спасский, Духовой, крепостей Екатерининская и Тамань [7, 18–19].

В течение XVIII в. после четырех русско-турецких войн с Османской империей и войны с Ираном Российская империя превратила Центральный Кавказ сначала в протекторат, а затем включила до р. Кубань в состав своей империи. Это было обусловлено как внешне, так и внутривнутриполитическими факторами. 8 апреля 1783 г. был подписан манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую державу» [11, 897–898]. Присоединение к Российской империи Крыма и Правобережья Кубани в результате ликвидации Крымского ханства следует отнести к внутривнутриполитическим успехам. Независимый статус Крыма, провозглашенный по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., оказался не в состоянии обеспечить российские интересы в регионе, а также безопасность южных рубежей империи. Имен-

но с 1783 г. российская граница на Северо-Западном Кавказе стала проходить по р. Кубань [11, 897–898].

Российская империя, укрепляя свои позиции в последней четверти XVIII в. на Центральном Кавказе, вело переговоры о присоединении Восточной Грузии. В крепости Георгиевск 24 июля 1783 г. уполномоченные царя Ираклия II подписали договор о переходе Карталино-Кახетинского объединенного восточно-грузинского царства под покровительство Российской империи, акт был обнародован 29 сентября [12, 1013–1017]. Ираклий II грузинский царь по договору признавал верховную власть Российской империи, которая выступала гарантом целостности Грузии. Российское правительство предоставляла, полную автономию во внутренних делах, обязалось содержать два батальона пехоты в Грузии. По предложению Ираклия II началось строительство Военно-Грузинской дороги, которая впоследствии стала основным путем, связывавшим Закавказье с Центральным Кавказом. В 1784 г. была построена крепость Владикавказ, для обеспечения безопасности пути от Моздока до Дарьяльского ущелья.

Командующему Кавказской линией П.С. Потемкину, ставшему первым кавказским наместником, предписывалось ввести такие же административные институты на территории степного Предкавказья, которые были в центральных губерниях Российской империи согласно «Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г.» [8, 229–304]. Именным указом императрицы Екатерины II от 9 мая 1785 г. определялось устройство Кавказской губернии и Астраханской области [14, 388–392]. Особо при этом была подчеркнута «полезность» строительство новых городов «в близости подгорных народов». Границы Кавказского наместничества не были четко определены, принадлежность местного населения к определенному административному центру также не уточнялась. Наместничество представляло специфическую территориально-административную единицу на окраине империи, мало чем отличающуюся от общегосударственных. Объединение Кавказа и Саратовской губернии в одно наместничество являлось временной мерой, не способной решить задачи по управлению, на столь обширной территории.

Необходимость в особом административном управлении на кавказских территориях проявилось сразу же на начальном этапе становления здесь административно-государственного аппарата. В общих чертах она соответствовала общероссийской, основанной на губернском управлении, которое было введено Екатериной II 7 ноября 1775 г. [8, 229–304]. Именно ему отводилась главная роль в административном устройстве окраин империи. Губернский принцип организации административной системы был заложен в основу управленческого аппарата созданного 5 мая 1785 г. Кавказского наместничества [13, 388]. В состав вновь образованного наместничества были включены области Кавказская и Астраханская: в Кавказскую входило шесть уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский Георгиевский, Александровский и Ставропольский, в Астраханскую четыре уезда: Астраханский, Красноярский, Енотаевский и Чернойарский. Город Екатериноград стал губернским [4, 3]. В то же время Кавказское Наместничество не имело четких территориальных границ. Кавказская область делилась на шесть уездов, центрами которых стали российские крепости, получившие статус уездных городов: Екатериноград, Кизляр, Моздок, Георгиевск, Ставрополь, Александров, в пределах которых действовало общероссийское городовое положение 1785 г. [5, 21–22]. Центр наместничества первоначально располагался в городе Екатеринограде, а роль областного центра передавалась Астрахани. Предпочтение только что созданному городу Екатеринограду было связано с необходимостью сосредоточить внимание на новых рубежах. Он также был выбран из-за того, что находился в непосредственной близости от горских народов. Российская империя стремилась отстоять их от притязаний ее постоянных противников – Турции и Ирана. Понимая важность новой административной единицы, Екатерина II именным указом от 9 мая 1785 г. Кавказскую область становиться губернией. Астрахань же с окружающими ее землями оставалась областью [14, 388–392]. Эти изменения потребовали создания специального управленческого института, получившего, согласно указу Екатерины II от 5 мая 1785 г., название Кавказского

наместничества, что явилось демонстрацией утверждения Российской империи на Кавказе.

Название Кавказская область было в некотором смысле условным, так как она включала в себя в основном степное Предкавказье, границы области и ее уездов были очерчены приблизительно. Несмотря на то, что территориальные границы были условными, была заложена основа для политического и административного устройства региона. Первый кавказский наместник П.С. Потемкин придерживался осторожной политической линии в отношении местного горского населения. В одном из своих предписаний подчиненным он наставлял их: «Кабардинцы, татары, на Кубани живущие... ингушевцы... знатная часть Осетии, Кавказские горы занимающие, кои, хотя еще не состоят по всем отношениям нового управления, но подданные российскому императорскому престолу, суть надлежит наместническому правлению предложить во все нижние суды, дабы сим народам нигде и ни под каким видом ни мало притеснения не было, на противу стараться всякое дело, всякую просьбу их решать в самой скорости, дабы судом безволочитным и познанием пользы, установленных судами, приучать и восчувствовать... всех и каждого в безопасном состоянии пребыванием» [3, 1]. Военному командованию на Кавказе все чаще приходилось сталкиваться с проблемой «наездничества» – набегами горцев на русские поселения. Поэтому, «как ни сильны были русские, как ни жестоко они карали и кабардинцев и ногайцев за эти набеги, а все-таки набеги были выгоднее» [16, 77]. Решить вопросы, связанные с такой сложной и непростой проблемы, как набеги горцев (наездничество), затянулись на долгие годы.

Обращение правительства в конце XVIII в. к традиционному для российской истории институту наместничества не было случайным. В разные периоды истории российского государства его правители использовали преимущества данного института для вовлечения новых территорий в сферу государственных интересов России. Административное управление в новых присоединенных территориях, с середины XVI в. осуществляли наместники и волостели, наделенные значительной административной и военной вла-

стью. Первоначально это были внутренние земли, где должность наместника была введена в качестве главы местного управления. Основная цель наместнического управления заключалась в приведении провинции в контакт с государством, а не во внутреннем управлении провинцией. После учреждения Кавказского наместничества наместник непосредственно подчинялся самой императрице Екатерине II. Широкие полномочия, которые на него были возложенные в военной и гражданской сферах, делали его независимым от высших государственных учреждений империи. В этот период имеет место тенденция подчинения гражданской формы управления военной, что было вызвано довольно сложными для России внешнеполитическим положением. В первые годы существования наместничества была разработана стратегия «невмешательства» во внутренние дела местного населения, которая напрямую была связана с заинтересованностью российского правительства в колонизации кавказских территорий русским населением. В течение этого периода на территориях горских народов Центрального Кавказа (кабардинцев, кумыков, осетин, ингушей, чеченцев) не было создано специальных административных учреждений.

В результате правительственной переселенческой политики, горское население с горных районов переселялось на равнинные земли, из центральных губерний на Кавказ переселяли русскоязычное население, которое селили в непосредственной близости от российских крепостей. Приставы в функции которых входило наведение порядка в новых и старых поселениях, стали выполнять военные и административные функции. Управленческие полномочия в уездных городах находились в руках комендантов как начальников городов, которые представляли собой не только военные, но также и административные центры. В процессе освоения кавказских территорий осторожность российского правительства объясняется следующими причинами: во-первых, причинами стратегического характера и необходимостью прочного тыла в борьбе с Турцией и Ираном. Это требовало от российских административных и военных властей на Кавказе выработать грамотный подход

по установлению тесных связей, которые должны были привести к привлечению с горцев на свою сторону; во-вторых, причинами политического характера, заключающихся в расширении российского влияния, предполагавшего распространение российского законодательства; в-третьих, причинами экономического характера [1, 25].

Вступив в борьбу за Кавказ во второй половине XVI в., Московское царство, а затем Российская империя по историческим меркам быстро становится ключевым игроком на Кавказе. Пройдя через многочисленные русско-турецкие, русско-иранские войны и внутренние катаклизмы, Россия смогла за три века объединить, а затем и интегрировать пестрое и мозаичное пространство Кавказа в состав империи, сделав его к концу XIX в. своей составной частью [6, 9]. Усиление позиций Российской империи на территории Кавказа на начальном этапе не как не отражалось на внутренних основах общественного устройства горских народов. Главной причиной, не позволявшей включить регион в государственно-административную систему Российского государства сразу, являлось неустойчивое политическое положение. Необходимость считаться с главными соперниками Российской империи на Кавказе – Ираном и Турцией, а также рассогласованность интересов различных социальных и этнических групп местного населения, вылившаяся порой в открытое неприятие российской администрации в крае, требовали от российского правительства крайней осторожности и последовательности [2, 18].

Административная политика Российской империи в кавказском регионе отличалась деликатностью и крайне осторожностью, что объяснялось необходимостью закрепления на данных территориях. Конкретные инструкции регламентировали особенности обращения представителей российской военной администрации на Кавказе с местным населением, от которого следовало добиваться доверия и расположения [15, 305–308]. Административно-управленческий аппарат выстраивался по образцу общероссийских административных учреждений.

Подводя итог, можно сказать, что к концу XVIII в. российская политика проводилась по двум основным направлениям: внутреннему и внешнему. Внутреннее направление включало: 1) укрепление

Кизляро-Моздокской линии, к которой были добавлены еще десять крепостей и укреплений, которые составили основу Азово-Моздокской линии; 3) присоединение 8 апреля 1783 г. к Российской империи полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны в результате ликвидации Крымского ханства, 4) 29 сентября 1783 г. переход Карталино-Кахетинского восточно-грузинского царства под покровительство Российской империи, 5) и учреждение первого Кавказского наместничества. К внешнему направлению относится соперничество с Османской империей и Сефевидским Ираном за установление своего контроля в регионе и обладание основными водными и сухопутными путями на Кавказе. В целом, ко времени утверждения позиций Российской империи на Кавказе, ее политика, основанная на принципах «централизма» и преимуществах позиций военного контроля над гражданским управлением. Ей также были присущи колебания от принципа «централизма» к принципу «постепенности», а также переход к «радикальным» мерам, которые должны были способствовать созданию государственных и административных институтов в регионе по общероссийским образцам.

Успехи во внутренней и внешней политике позволили российскому правительству включить всю территорию Предкавказья, в состав Российской империи и создать здесь органы административного управления, для обеспечения безопасности кавказского региона и крестьянской и казачьей колонизации. Именно в этот период была заложена прочная основа для создания государственно-административной системы управления всем кавказским регионом. Кульминацией внутренней политики стало создание в 1785 г. первого Кавказского наместничества. Конец XVIII в. также характеризуется продолжением политики по интеграции горских народов в политическое, правовое и социально-экономическое пространство Российской империи.

Список литературы

1. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сборник документов и материалов. / Составитель и автор вводной статьи З.Ж. Глашева. Нальчик: Принт Центр, 2018. Т. I. 492 с.

2. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
3. Бентковский И. Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. №39. 27 сентября. С. 1.
4. Бентковский И.В. Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 г. Кавказской губернии // Северный Кавказ. 1885. № 45. 14 мая. С. 1–3.
5. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVII – первой половине XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ», 1992. 107 с.
6. Кавказский вектор российской политики XVI–XVIII. Сборник документов. XVI–XVIII веках / сост: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. Т. I. 680 с.
7. Малахова Г.М. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва-Пятигорск, 1999. 180 с.
8. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14392. Санкт-Петербург, 1830. С. 229–304.
9. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14464. Санкт-Петербург, 1830. С. 374–375.
10. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14607. Санкт-Петербург, 1830. С. 518–521.
11. ПСЗРИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15708. Санкт-Петербург, 1830. С. 897–898.
12. ПСЗРИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15835. Санкт-Петербург, 1830. С. 1013–1019.
13. ПСЗРИ. Собр. I. 1784–1788. Т. XXII. № 16193. Санкт-Петербург, 1830. С. 388.
14. ПСЗРИ. Собр. I. 1784–1788. Т. XXII. № 16194. Санкт-Петербург, 1830. С. 388–392.
15. ПСЗРИ. Собр. I. с 1789 по 6 ноября 1796. Т. XXIII. № 17025. Санкт-Петербург, 1830. С. 305–308.

16. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М: Академический Проект, 2006. 463 с.

Preferences

1. Glasheva Z.Zh. *Administrativnaya integraciya narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii. Sbornik dokumentov i materialov* [Administrative integration of the peoples of the North-West and Central Caucasus into the Russian Empire. Collection of documents and materials]. Nal'chik: Print Centr, 2018. V. I. 492 p.
2. Kobahidze E.I. *Administrativnaya praktika Rossijskoj imperii na Central'nom Kavkaze s konca XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov* [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the XVIII century. until 1870 (based on material from Ossetia): Collection of documents]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 399 p.
3. Bentkovskij I. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 1886. №39. September 27. P. 1.
4. Bentkovskij I.V. *Severnyj Kavkaz*. 1885. № 45. 14 maya. P. 1–3.
5. Blieva Z.M. *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v konce XVII – pervoj polovine XIX v.* [Management system in the North Caucasus at the end of the XVII – the first half of the XIX century]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU», 1992. 107 p.
6. Volhonskij M.A., Muhanov V.M. *Kavkazskij vektor rossijskoj politiki XVI–XVIII. Sbornik dokumentov. XVI–XVIII veka* [The Caucasian vector of Russian politics XVI–XVIII. Collection of documents. XVI – XVIII centuries]. M.: Obedinnennaya redakciya MVD Rossii, 2011. V. I. 680 p.
7. Malahova G.M. *Stanovlenie Rossijskoj administracii na Severnom Kavkaze v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [The formation of the Russian administration in the North Caucasus in the late XVIII – first half of the XIX century]. Moskva-Pyatigorsk, 1999. 180 p.
8. PSZRI. *Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14392*. Sankt-Peterburg, 1830. P. 229–304.
9. PSZRI. *Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14464*. Sankt-Peterburg, 1830. P. 374–375.

10. PSZRI. Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14607. Sankt-Peterburg, 1830. P. 518–521.
11. PSZRI. Sobr. I. s 1781 po 1783. Vol. XXI. № 15708. Sankt-Peterburg, 1830. P. 897–898.
12. PSZRI. Sobr. I. s 1781 po 1783. Vol. XXI. № 15835. Sankt-Peterburg, 1830. P. 1013–1019.
13. PSZRI. Sobr. I. 1784–1788. Vol. XXII. № 16193. Sankt-Peterburg, 1830. P. 388.
14. PSZRI. Sobr. I. 1784–1788. Vol. XXII. № 16194. Sankt-Peterburg, 1830. P. 388–392.
15. PSZRI. Sobr. I. s 1789 po 6 noyabrya 1796. Vol. XXIII. № 17025. Sankt-Peterburg, 1830. P. 305–308.
16. *Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoriya i sovremennost'* [Russia and the North Caucasus: history and modernity]. M: Akademicheskij Proekt, 2006. 463 p.

Данные об авторе

Глашева Зулейха Жамботовна, кан. ист. наук, н.с. сектора новейшей истории

*Институт гуманитарных исследований – филиал федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»*

*ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 360000, Российская Федерация
zu-20.80@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Glasheva Zuleikha Zhambotovna, Ph.D. in History, ns sectors of recent history

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

*18, Pushkin Str., Nalchik, 360000, Russian Federation
zu-20.80@list.ru*

ORCID: 0000-0002-2484-2398